
РЕЦЕНЗИИ

Рэцэнзіі

REVIEWS

Сомин А. А. Белорусский язык. Самоучитель. М. : Живой язык, 2017. 224 с.

Сомін А. А. Беларуская мова. Дапаможнік для саманавучання. М. : Живой язык, 2017. 224 с.

Somin A. A. Belarusian language. Self-study book. Moscow : Zhivoi yazyk, 2017. 224 p.

Несмотря на непростую социолингвистическую ситуацию в Беларуси – асимметричный билингвизм – белорусский язык как иностранный более или менее интенсивно изучается в ряде университетов за пределами страны. Отличие в изучении белорусского языка в странах-соседях – России, Украине, Польше и Литве – состоит в статусе самого предмета «белорусский язык» в университетах. Так, в Вильнюсе, Киеве, Варшаве, Люблине и Белостоке он преподается как специализация. В российских университетах (в Брянске, Москве, Санкт-Петербурге и др.) белорусский язык может изучаться как обязательный предмет (например, на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова это необходимый «сопровождающий» предмет в конкретной специализации). Изучение белорусского языка практикуется и в белорусских диаспорах в России, в частности в Иркутске и Екатеринбурге. В феврале 2016 г. в Москве был организован проект «Школа языков соседей», где среди других языков изучается и белорусский.

Между тем белорусский язык как иностранный и во втором десятилетии XXI в. все еще остается очень мало разработанной и в научном, и в методическом аспектах сферой. Поэтому издание каждого пособия по изучению белорусского языка как иностранного является определенным событием. Одним из таких событий стал выход книги «Белорусский язык. Самоучитель» в московском изда-

тельстве «Живой язык». Ее автор – бывший минчанин, лингвист по образованию и сфере своей деятельности, аспирант и преподаватель Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований (ШАГИ) Российской академии народного хозяйства и гуманитарной службы при Президенте Российской Федерации, сотрудник лингвистической лаборатории компании «Ашманов и партнеры» и, наконец, инициатор и руководитель Минского фестиваля языков Антон Сомин. Очевидно, что автор – человек компетентный, очень заинтересованный и... начинающий в сфере дидактики. Кроме того, автор относится к так называемым детям асфальта, тем молодым людям, которые социализировались в городской семье на русском языке, но с какого-то времени стараются в повседневном общении (по возможности) пользоваться белорусским языком, выученным в школе и (или) самостоятельно.

Принципиальное отличие рецензируемого самоучителя от ранее изданных книг (например: Кривицкий А. А., Подлужный А. И. Учебник белорусского языка: для самообразования (1994); Аляксандраў С., Мыцык Г. Гавары са мной па-беларуску (в 2001 г. – интернет-версия, в 2008 г. – бумажное издание)) состоит в подаче учебного материала: «Все правила в самоучителе приводятся в соответствии с официальным стандартом¹ языка, однако каждый раз специально оговариваются и отличия от него, имеющиеся в тарашкевице (то, что касается классического стандарта, записывается в самоучителе уменьшенным шрифтом)» (с. 8). Новизна издания, во-первых, заключается в том, что автор взял на себя смелость «объединить»

¹Стандартом автор вслед за Е. А. Потехиной, А. А. Лукашанцем, И. П. Климовым называет два варианта (две литературные нормы) белорусского литературного языка – официальный и классический, т. е. *тарашкевицу*.

две разновидности белорусского литературного языка – современного и дореформенного – под одной обложкой; во-вторых, А. А. Сомин старался в обоих вариантах придерживаться по возможности строго описательного, а не предписательного, нормативного принципа в подаче материала. Такое компромиссное решение предусматривает «притяжение» разных по своим взглядам и предпочтениям приверженцев белорусского языка.

В предложенном авторском решении есть несомненные плюсы: прежде всего это стремление угодить вкусу любого потенциального ученика, а тем самым не ограничивать учебную аудиторию. С другой стороны, есть и свои минусы: указанный способ подачи материала предполагает следование одной и второй нормам, что достаточно сложно выдержать на протяжении всей книги – от теории до поурочных ключей к упражнениям. Понимая это, автор уже в предисловии оговаривает свои отступления от официального стандарта в учебном материале, ссылаясь на непростую ситуацию с функционированием языка: «Так как отнесение каждого конкретного слова к тому или иному стандарту является лишь тенденцией, а не строгим правилом, в некоторых случаях читатели, владеющие белорусским языком, могут не согласиться с моими решениями, однако я старался максимально объективно описать сложную ситуацию бытования белорусской лексики» (с. 8). Проблема, по моему мнению, заключается не в том, что лексика из одного стандарта используется во втором, а прежде всего в прерогативах самого автора и его позиции.

Созданное с опорой на действующие европейские образовательные стандарты, с учетом актуальных принципов лингводидактической теории, пособие А. А. Сомина предлагает обучающемуся самостоятельно работать в разных направлениях учебной деятельности: чтение, речь, письмо – за исключением аудирования, так как сама серия самоучителей издательства «Живой язык», к которой принадлежит этот учебник, не рассчитана на такой вид самостоятельной работы. Пособие имеет детальную структуру, которая не только в двух языках (русском и белорусском), но и в разных цветах представлена как в содержании, так и в самой книге. Использование цвета, несомненно, содействует и лучшему структурированию материала, и его наглядности, и запоминанию.

Базой для изложения материала в пособии стал ситуативно-тематический принцип, цель которого – отобразить специфику функционирования предложенного языкового материала в определенных ситуациях и темах. Автор ориентирует потенциального ученика на конечную цель изучения языка – формирование коммуникативной

компетенции, что и нашло отображение в самом учебном материале, который максимально приближен к реальным условиям общения. Учитывая вторичность разговорного белорусского языка в городской среде, автор очень удачно выбрал коммуникативную ситуацию, ставшую реалистичной базой для построения всех уроков: общение молодых людей, которые приехали в Минск на летние курсы белорусского языка.

В книге представлены 18 тематически разработанных уроков (например, «Знакомство/Знаёмства», «В городе. Транспорт / У горадзе. Транспарт», «У врача. Части тела / У лекара. Часткі цела», «Планы на день. Время / Планы на дзень. Час» и т. д.), каждый из которых имеет от двух до четырех уровней членения. Повторяющимися из урока в урок являются две рубрики: «Лексика» и «Грамматика» (за исключением первого урока); рубрики «Фонетика и орфография», «Чтение» варьируются от урока к уроку в зависимости от предложенного учебного материала. Если рубрика «Лексика» включает такие постоянные составляющие, как «Словарь к тексту», «Словарь к уроку» и «Примечания», то «Грамматика» имеет более детальное и информативное (в том числе и терминологическое) внутреннее деление.

Текстоцентрический подход, на основе которого осуществляется формирование коммуникативной компетенции, нашел свое отражение в разработке самих тематических уроков. Каждый из них начинается достаточно продолжительным текстом-полилогом с белорусско-русским словарем к нему, есть отдельно тематический словарь к уроку, теоретические сведения по фонетике или/и грамматике, в том числе и синтаксису предложения, орфографии и т. д., поданные в доступной для потенциального ученика форме, а также практические задания для отработки полученных знаний. Кроме того, автором предусмотрено «окувание» иностранцев в реалии белорусской жизни, ее самобытность, приобщение к национальным и культурным ценностям и умение строить свои диалоги и реплики (а в итоге и поведение) в соответствии с этой спецификой.

Описание фонетических, лексических и грамматических особенностей белорусского языка дается, как правило, исходя из его отличий от русского литературного языка. В предисловии автор обращает внимание читателя на лексическое подобие белорусского и русского языков и предостерегает: «Наличие совпадающих слов или схожих слов создает опасную иллюзию возможности легко говорить по-белорусски, просто подгоняя русские слова под правила белорусской фонетики и орфографии. Такая стратегия неизбежно приведет к речи на тряснке – смеси русского и белорус-

ского языков» (с. 7). Акцентирование внимания на ложной легкости усвоения и использования белорусского языка – важный методический момент. К сожалению, самому автору не удалось избежать подобного смешения языков в своем пособии. Позволю себе остановиться на некоторых ошибках и прокомментировать их.

Автор обоснованно указывает на проблему с ударениями (с. 41, 78 и др.), с которой может столкнуться обучающийся, но, к сожалению, и сам не единожды ошибается, причем в тех случаях, где ударение связано с грамматической формой существительных или глаголов. Если ударение стоит в нетипичной позиции, как, например, в слове *пра сям'ю* (с. 30), то обучающийся поймет, что это всего лишь опечатка, и без труда ее исправит: *пра сям'ю́*. Но совсем иной случай, когда автор ставит ударения по аналогии с русским языком, тем самым нарушая грамматические нормы белорусского языка, и потенциальные ученики могут усвоить именно эти ложные формы (ведь это *самоучитель!*): *сабраліся* (с. 19) вместо *сабра́ліся*; *ператвары́цца* (с. 163) вместо *ператво́рыцца* (3 ас. адз. л.); *перанасі́ць* (с. 178) вместо *перано́сіць* (3 ас. адз. л.); *спазні́мся* (с. 202) вместо *спо́знiмся*; *хаці́це* (с. 75) вместо *хо́чаце* (хотя на с. 87 автор предупреждает о возможности такой ошибки); *лакцём* (с. 81) вместо *ло́кцем*; *з Юрасем* (с. 213) вместо *з Юрасе́м* и др.

Образцы спряжения глаголов в настоящем времени проиллюстрированы на с. 86–87, 112–113, но в самих текстах, диалогах, предложениях, к сожалению, нередко ошибки смешения форм повелительного наклонения и настоящего времени для первого лица множественного числа: *спадзяе́мся* (с. 19), *перакладзе́м* (с. 81), *адпачне́м* (с. 147), *пакладзе́м* (с. 163), *кладзе́м* (с. 165), *няе́м* (с. 198), *б'е́м* (упр. 11, с. 217), *дае́м* (упр. 3, с. 223) при норме *спадзяёмся, перакладзём, адпачнём, пакладзём, кладзём, спяваем ці няём, б'ём, даём*; или для второго лица множественного числа: при норме *вы не глядзіце́, вы глядзіце́* использованы формы *вы не глядзіце* (с. 93), *вы глядзіце* (с. 181), что обуславливает ошибку и в корневой морфеме.

Очень важно в пособиях для иностранцев, а тем более в самоучителе, указывать ударения во всем тексте и отдельных словах, чтобы не было недоразумений, как в предложении: *Гэта дачкі майго дзядзькі...* (с. 30). Кроме того, в словаре к уроку дана лишь форма единственного числа с ударением на окончании: *дачка́* (с. 31), но не указана форма множественного числа, где ударение падает уже на основу: *до́чкі*. К месту было бы здесь и сочетание с числительными, о которых автор говорит на с. 144. Тема «Семья» предполагает, что будут использованы числительные *два, тры,*

чатыры, поэтому в словаре к уроку следовало бы дать несколько самых частотных сочетаний, которые достаточно трудны для иностранцев, так как с изменением ударной гласной в формах числа происходит чередование звуков, например: *дачка́ – до́чкі – 2, 3, 4 дачкі; сястра́ – сёстры – 2, 3, 4 сястры́; цесць – цяці – 2 цёсці* (отсюда и ошибка в ответе в разделе «Ключи к упражнениям», упр. 8, с. 210).

Выбрав свой подход в подаче материала и стараясь «угодить» и тем и другим, автор не замечает, что ненамеренно множит ошибки, собственные приверженцам «нового» стандарта. В данном случае речь идет о приставочных глаголах, образованных от инфинитива *ісці*: *надысці/нады́йсці, падысці/пады́йсці, сысці/сыйсці* (с. 39). Согласно правилу начальный звук *і* в глаголе *ісці* после приставок на согласный (*над-, пад-, з-/с-* и др.) проносится и пишется как *ы*, а после приставок на гласный (*па-, за-* и др.) – как *й*; в приведенных словах на тарашкевице *і* не может образовывать два звука, так как на него не падает ударение, как, например, в сочетании [з'йімі]. Поэтому приведенные лексемы, которые якобы соответствуют классическому стандарту, ошибочны; если они и были в текстах начала XX в., то были обусловлены устной диалектной речью, в самоучителе же такие формы следовало сопроводить надлежащим комментарием.

Не совсем понятно, на основании каких статистических данных автор делает заключение о частотности использования того или иного белорусского слова, маркируя его в словаре урока пометой *реже*, например: *шмат, (реже) многа* (с. 31). То же самое касается и других, по моему мнению, необоснованных заключений: «В белорусском языке изредка встречаются формы давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта)» (с. 103). Как носитель белорусского языка, должна констатировать, что эти формы живут полнокровной жизнью не только в диалектах, но и в речи интеллигенции, разговаривающей в повседневности по-белорусски, и тем более в текстах художественной литературы.

Автор утверждает: «Союз *чым* использовать не рекомендуется: многими он оценивается как русизм. *Ад* в современном языке в подобных конструкциях встречается чаще, чем *як*, но *реже*, чем *за*» (с. 122); такое же заключение относительно обозначения времени (с. 133). Возникают вопросы: кем не рекомендуется, кем оценивается, на чем основываются такие выводы?

Хотела бы посоветовать автору несколько осторожнее использовать в своих заключениях слова «всегда» и «только», как в данном случае: «Русским приставкам *пол-* и *полу-* соответствует

белорусская *паў*-, которая пишется всегда слитно» (с. 200). На самом деле не всегда: через дефис эта приставка пишется с именами собственными: *паў-Беларусі, паў-Масквы, паў-Еўропы*. «Суффикс [степени сравнения наречий] всегда находится под ударением» (с. 201), – этот пассаж также не соответствует реальности: например, есть компаративы с безударным суффиксом *-ей*: *інтэнсіўна – інтэнсіўней, марудна – марудней, ахвотна – ахвотней, мала – мёней* и др.

Совсем не соответствует правилам и утверждение, что «удвоенные согласные в корнях пишутся и произносятся только в трех словах (Ганна *Анна*, Жанна *Жанна*, ванна *ванна*)» (с. 16), так как такое же удвоение в качестве исключений сохраняется в целом ряде заимствованных

лексем, например: *Мадонна, Сюзанна, Мекка, панна, бонна, донна, саванна, мецца, дурра* и др.

В заключение хочется отметить, что рецензируемая книга, несомненно, представляет большой интерес не только для желающих изучить белорусский язык самостоятельно, но и для преподавателей-методистов, так как это одно из тех пособий, которое указывает на смену тенденции в подаче учебного материала: наравне с устоявшейся нормой есть место и узуальным закономерностям, трактованным ранее исключительно как отступления от нее.

Т. Р. Рамза,

доктор филологических наук, доцент

Zeller J. P. Phonische Variation in der weißrussischen «Trasjanka». Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt. Oldenburg : BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2015. 491 S. (Studia Slavica Oldenburgensia 27).

Zeller J. P. Phonic variation in the Belarusian «Trasyanka». Language change and change of language in the Belarusian-Russian language contact. Oldenburg : BIS-Verlag of the Carl von Ossietzky University of Oldenburg, 2015. 491 p. (Studia Slavica Oldenburgensia 27).

Манаграфія нямецкага даследчыка Яна Патрыка Цэлера (*Jun.-Prof. Dr. Jan Patrick Zeller*) «Фанетычная варыяцыя ў беларускай “трасянцы”». Моўныя змены і змены мовы пры беларуска-рускім моўным кантакце» выйшла ў выдавецтве Альдэнбургскага ўніверсітэта імя Карла фон Асецкага ў серыі «Studia Slavica Oldenburgensia» (том 27) і стала, на маю думку, новым словам у гісторыі замежнай беларусістыкі. Піянерскі характар названай працы заключаецца найперш у самім аб'екце навуковага даследавання – спантаным неафіцыйным беларуска-рускім змешаным маўленні (сямейныя размовы), а таксама метадах яго даследавання (інструментальны і статыстычны), што грунтуецца на самым вялікім на сёння Альдэнбургскім корпусе змешанага беларуска-рускага маўлення (прыкладна 38 000 выказванняў, што ўключаюць 212 000 словаформ). Упершыню ў славістыцы фанетычныя асаблівасці спантаннага беларуска-руска-

га змешанага маўлення даследаваліся на такім рэпрэзентатыўным аб'ёме жывога матэрыялу – аўдыязапісах і іх транскрыпцыі.

У беларускай лінгвістыцы апаратурныя метады даследавання вуснай беларускай мовы выкарыстоўваліся ў Лабараторыі эксперыментальнай фанетыкі (1969), арганізаванай пры тагачасным Інстытуце мовазнаўства Акадэміі навук БССР. Вынікам працы спецыялістаў (А. М. Андрэеў, Л. Ц. Выгонная, Г. В. Лосік, А. І. Падлужны, П. В. Садоўскі, В. М. Чэжман, Э. Р. Якушаў і інш.) стаў шэраг манаграфічных публікацый, звязаных з артыкуляцыйнымі характарыстыкамі беларускіх гукаў (у тым ліку ў параўнанні з гукамі рускай, украінскай і польскай моў), іх акустычнымі і фаналагічнымі інтэрпрэтацыямі, перцептыўным аналізам і аналізам спалучальнасці гукаў у межах слова і іх змен у моўнай плыні: «Галосныя беларускай мовы (акустычны аналіз)» (1975), «Нарыс акустычнай фанетыкі беларускай мовы» (1977), «Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў» (1982), «Фанетыка слова ў беларускай мове» (1983) і інш. На той час, у 1970–80-я гг., гэта быў сапраўдны крок наперад у даследаванні фанетыкі і прасодыі кадыфікаванай беларускай літаратурнай мовы. Дасягненні ж сучасных камп'ютарных тэхналогій і кантактнай лінгвістыкі адкрываюць перад навукоўцамі зусім іншыя перспектывы аналізу вуснага маўлення, у тым ліку і спантаннага, і змешанага. Прыклад такой наватарскай працы – рэцэнзуемая манаграфія нямецкага даследчыка.

Навуковыя росшукі спадара Цэлера праводзіліся ў межах міжнароднага праекта «Трасянка